

ТАЙНАЯ ГВАРДИЯ БЕРИИ

ОГНЕННЫЙ МОСТ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Огненный мост / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Тайная гвар-
дия Бери).

ISBN 978-5-04-172916-5

Готовя летне-осеннюю кампанию 1942 года, германское командование активизировало заброску диверсионных групп в Поволжье. Одной из целей абвера стал саратовский железнодорожный мост — важная стратегическая артерия, соединяющая тыл с фронтом. Выявить и уничтожить опасного врага поручено подразделению во главе с майором Максимом Шелестовым. Оперативникам удастся выйти на след вражеской группы, готовящей атаку на мост. Но в последний момент становится известно, что это всего лишь группа прикрытия. Основные же силы противника могут нанести удар по объекту в любое время...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172916-5

© Тамоников А.А., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Горячее августовское солнце как будто зависло над спортивным городком. Неподвижный воздух был напитан ароматами заброшенных фруктовых садов, запахами прелых трав и полевых цветов. А еще в нем так же неподвижно висела пыль, выбитая из земли сапогами курсантов, запах пота и густой русский мат, то и дело вырывавшийся с хрипом из измученных глоток людей. Диверсионная школа абвера, работавшая под вывеской «Дорожно-строительная колонна № 27» с номером полевой почты № 00220, функционировала, как хорошо отлаженный конвейер. Начальник школы капитан Лун был человеком энергичным и отличался творческим, нестандартным подходом в своей профессиональной деятельности. Одной из главных его забот, кроме подготовки агентов, была еще и вербовка кандидатов.

Вербовались будущие диверсанты не только в концлагерях для советских военнопленных. Среди населения работали полномочные представители начальника лагеря. Они черпали будущие кадры

среди беженцев, безработных, людей с криминальными наклонностями, которые попадали в поле зрения немецких оккупационных властей. Претенденты прибывали в лагерь, где и проводилась окончательная вербовка. А потом — два месяца интенсивной подготовки.

Два часа перед обедом были самыми трудными. Без передышки, до одури, курсантов гоняли на спортивном городке, по полосе препятствий. До безупречности отработывали приемы приземления на парашюте, плавания в одежде и сапогах. После обеда полчаса перекур и теоретические занятия: изучение советских гражданских и военных документов, реальной обстановки в глубоком тылу в промышленных зонах, знакомство с системой работы милиции, местных органов власти. Вечером — зубрежка новых материалов, индивидуальная психологическая обработка, иногда внезапные «тревоги» по ночам.

Тех, кто не выдерживал или на чей счет у руководства школы возникали сомнения, отправляли в концентрационные лагеря Полтавы, Киева, Умани. Так охранялась секретность школы. Человек, знавший о ней, не должен был выдать эту тайну. И он исчезал.

Невысокий, с тонкими чертами лица и хитрыми прищуренными глазами, капитан Лун был удивительно похож на крысу, принюхивающуюся к куску сыра. У окна кабинета, выходящего во внутренний двор школы, рядом с начальником школы стоял высокий стройный человек с аккурат-

но подстриженными усами. Он смотрел на курсантов, занимающихся на полосе препятствий, и хмурил светлые брови.

— Скверный материал, — пробормотал он.

— Что вы сказали? — почти без акцента спросил начальник школы. — Вы недовольны подготовкой своих соотечественников?

— Вы не сможете подготовить их лучше, — пояснил мужчина с усами. — Дело не в том, что они мои соотечественники. Большинство курсантов не способны стать диверсантами и разведчиками. Физические данные не те, способности низкие. Вы набираете курсантов в самой низкой непрофессиональной среде.

— Вы очень умный человек, Храпов, — с сарказмом заметил Лун. — Вы в самом деле полагаете, что Германия будет тратить много сил и средств, чтобы подготовить агентов, которым нужно выполнить только одно простое задание? Одно, понимаете? Это расходный материал, одноразовые детали большого механизма. Мы выполняем приказ о тотальной заброске. Наша задача: наводнить Советский Союз диверсантами, это — как высыпать в подвал с продуктами ведро тараканов. Не важно, сколько из них подойдет по пути, сколько переловит НКВД и милиция. Главное, чтобы их было много, чтобы ваша родина, штабс-капитан, захлебнулась от обилия этой мрази. Они вам не нравятся? Меня тоже тошнит от них, но кто-то же должен работать и ассенизатором!

— Значит, и я для вас расходный материал? — Храпов повернул голову к начальнику школы.

— Вас ценит мое руководство, — ушел от ответа немец. — А я солдат и всегда выполняю приказы. Если мне сказали, что вы нам нужны, значит, я буду с вами работать. Но меня мало волнуют ваши возвышенные идеи. Мне все равно, кто из вас по какой причине работает на Германию. За деньги, из желания выжить, из-за обиды на советскую власть, от страха. Мне все равно.

— Вам не понять, что значит для человека Родина? — удивился Храпов. — Мне казалось, что немцы сентиментальная нация.

— Послушайте, Храпов. — Лицо Франца Луна стало каменным и холодным. — Никому не дано обсуждать нашу нацию. Даже вам. Отправляйтесь отрабатывать свой кусок хлеба, свое имение, о котором вы мечтаете. Что там вас еще привлекает?

Храпов от такого замечания сам превратился в кусок камня. До такой степени сжались его зубы, что кажется, вот-вот — и брызнет крошками эмаль. Затвердели скулы, руки в локтях стали стальными. Коротко опустив в кивке голову и щелкнув каблучками, бывший штабс-капитан повернулся и вышел из комнаты. «Убивать, — шептал он себе под нос, — убивать. Если бы я ненавидел большевиков меньше, чем вас, я давно бы заложил бомбу под это осиное гнездо! Господи, как стыдно, что приходится марать руки и сотрудничать с этими выродками.

Если бы не цели... Дорога в ад выложена благими намерениями!»

Храпов не понимал, как можно работать, как можно готовиться к заброске, даже не зная цели группы! Недоверие, презирают всех русских! Эх, отольются вам наши слезы — дайте только срок...

Но бывший штабс-капитан Храпов, член Русского общевойинского союза¹, понимал, что без помощи Германии большевиков не победить. Да, фюрер никогда открыто не обещал землю и власть в новой России после победы над ней русскому дворянству, не говорил о восстановлении монархии или демократического строя. Он видел новые земли лишь колониями для немецких арийских поселенцев. Но все же те из русских, кто пошел на сделку с Германией, надеялись, что со временем они сыграют определенную роль в глазах фюрера, что многое изменится в лучшую сторону. Что Россия станет прежней.

Храпов не знал, что капитан Лун долго смотрел ему вслед из окна своего кабинета, напряженно о чем-то размышляя.

— Разрешите? — раздался за спиной голос.

¹ Русский общевойинский союз (РОВС) — русская воинская организация, созданная 1 сентября 1924 года в рядах Белой эмиграции бароном Врангелем. Первоначально союз объединял военные организации и воинские союзы во всех странах русского зарубежья, в настоящее время объединяет потомков участников Белого движения и их единомышленников.

Немец повернулся. Инструктор по диверсионной работе Базанов, как всегда, стоял и потирал руки. Возникло ощущение, что он только что вышел из скотобойни. Но, заметив взгляд Луна, инструктор тут же опустил руки и вытянулся в почтительном ожидании. «Мясник, — снова подумал немец, глядя на инструктора. — Видел, как он бьет курсантов, как наказывает за проступки. Всегда обязательно до крови».

— Группа готова?

— Так точно, господин капитан, — уверенно отозвался Базанов.

Трое курсантов, одетых в одинаковые темно-серые комбинезоны, вошли и вытянулись перед начальником школы. Лун знал в лицо и по фамилиям всех курсантов. Обычно в школе их было не больше 50–60 человек. Лично проверяя подготовку, посещая занятия, капитан запоминал их со всеми сильными качествами и слабыми сторонами.

Старший группы Григорий Ведерин. Крупный, сильный. Настоящий русский медведь. Артиллерист, попал в окружение весной этого года. Родом из глубинки. На вербовку пошел сразу. Беспринципный человек. Главное для него — сытная кормежка и возможность чувствовать власть над другими. Этот будет держать группу в кулаке, этот хочет вернуться, получить награду и снова иметь сытную кормежку. Скот. «Боров, а не медведь», — хмыкнул про себя немец.

Невысокий худошавый Илья Пашко. Из местных жителей, родом из-под Харькова. Был безработным, слонялся по городам и весям. Попался на мелком воровстве. Искренне верит, что немцы установят на Украине настоящий порядок ради украинцев. Готов на все, но слишком любит жизнь и удовольствия. Поэтому легко пошел на вербовку, но поэтому же легко и предаст, если ему пообещают жизнь и удовольствия. Хороший исполнитель, с выдумкой, но нуждается в постоянном контроле.

Высокий бледнолицый Архип Санин. Утверждает, что перебежчик. Добровольно сдался немецким солдатам. Убежденный противник советской власти. Подтвердить, что из кулаков, не может. Но в подслушанных беседах с другими курсантами демонстрировал непримиримую ненависть к Советам. Темная личность. Было подозрение, что Санин заслан в школу подпольщиками, что он партизан или разведчик с той стороны. Проверку ему устроили простую, но эффективную. Включили в расстрельную команду. Пришлось разыграть спектакль и поставить к стенке двух не выдержавших подготовки курсантов, подлежащих отправке в лагерь. Лун распорядился завязать рты жертвам, чтобы не кричали лишнего. Архип Санин и еще пятеро курсантов сделали свою работу спокойно, без нервов. Ничто не изменилось в лице Санина, когда он бросил последний взгляд на тела убитых. Равнодушие. Этот будет убивать, будет взрывать.

И захочет вернуться, потому что там его самого поставят к стенке. А Санин мечтает о своем хуторе, коровах, о тракторе и бескрайнем поле пшеницы и подсолнечника, о маслобойне. Красиво он о своих мечтах говорит. Доносили о таких разговорах.

— Вы хорошо подготовлены, — отойдя к окну, заговорил Лун. — Руководство школы вами довольно. За хорошую учебу вам положена премия, но она будет храниться в моем сейфе и ждать вашего возвращения. Когда вы выполните задание и вернетесь, то получите награду. Хорошую награду. Вы сможете купить себе дом или выбрать любую квартиру в городе. После войны у вас образуется круглая сумма на счете, и вы сможете жить безбедно. Женитесь, родите детей. Ваши дети будут гордиться вами, когда по праздникам вы наденете костюм с наградами. Но помните, что измена, предательство, трусость — этого великий рейх вам не простит. Мы чтим своих героев, но и строго караем предателей. Сегодня можете отдыхать, но — ни грамма алкоголя!

Когда Базанов вывел курсантов на улицу и разрешил им быть свободными, все трое молча продолжали топтаться на месте.

— Пить нельзя, а то бы нарезать сейчас, — проговорил Ведерин.

— Нарезаться? — ехидно хмыкнул Пашко и сплюнул себе под ноги. — А чего это? Нервы, что

ли, шалят? Я бы вот по бабам сейчас пошел. Так не выпустят же за ворота.

— Выспаться надо, — флегматично произнес Санин. — Когда еще придется.

Поздние совещания у Сталина были делом уже давно привычным. Нервозность первого года войны постепенно прошла. Сотни крупных предприятий были эвакуированы на Урал, в Сибирь. Нечеловеческие усилия рабочих и инженеров позволили в кратчайшие сроки возобновить производство необходимой фронту продукции, оружия и боевой техники. Враг отброшен от столицы, наращивается производство в оборонной сфере.

Но положение на фронтах по-прежнему напряженное. Развернулась битва за Кавказ. Немецкие войска рвались к бакинской нефти, танковые клинья вышли к Дону. Еще немного — и враг отрежет южные районы страны, разорвет коммуникации, которые так важны для армии и производства.

Сегодня в Кремле в кабинете Сталина собрались за столом руководители оборонных наркоматов. Сидели молча, напряженно просматривая принесенные с собой материалы, отчеты, докладные записки, пытаясь освежить в памяти цифры. Кое-кто переговаривался с сидящими рядом товарищами, пытаясь продемонстрировать свою уверенность.

Сталин поднялся из-за своего стола, неторопливо набил трубку, стоя к наркомам спиной. Он чувствовал, как напряжение в кабинете растет. «Боятся, — думал Сталин, щуря свои желтые глаза. — Пусть боятся, тогда работать из страха будут еще больше и лучше». Когда тебя глядят по голове, начинаешь чувствовать себя любимчиком и невольно надеешься на прощение своих недоработок и оплошностей. А вот когда каждый знает, что кроме поглаживания по голове, кроме орденов и премий, можно попасть и под расстрел, тогда работа начинает кипеть с удесятеренной силой.

— Я думаю, товарищи, что каждый из вас понимает, что расслабляться нам рано, — повернувшись к наркомам и попыхивая трубкой, заговорил Сталин. — Мы много сделали за эти полтора года войны. Пока наша славная Красная Армия, не щадя себя, билась с сильным и коварным врагом, заступала ему путь к Москве и Ленинграду, мы с вами сумели совершить невозможное — эвакуировать оборонную промышленность на восток. Подальше от фронта. Но оказалось, что этого мало, рано почитать на лаврах. Наши ресурсы неисчерпаемы, но их нужно доставлять к фронту, сырье нужно доставлять заводам. И самим оборонным заводам, кующим в тылу нашу победу, тоже надо думать о своей безопасности. Я думаю, товарищи, что мы позволим провести это совещание товарищу Берии.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Никто не посмел опустить глаза, изображая одобре-

ние. Ведь именно Лаврентий Павлович курировал оборонный комплекс.

— Разрешите, товарищ Сталин? — Берия, как на пружинах, поднялся со своего места, расправил гимнастерку под ремнем.

Он очень любил появляться на совещаниях с гражданскими наркомками в военной форме. И наоборот — в гражданском костюме на совещаниях с военными. Это как бы подчеркивало его особенность в иерархии советского правительства, делало его особенным в глазах других товарищей.

— Как всегда, товарищ Сталин очень верно расставил акценты, — продолжил Берия, — работать, работать и еще раз работать. Мы здесь, в тылу, должны быть достойны подвигов наших бойцов на фронтах. Но что я наблюдаю, о чем я докладывал товарищу Сталину, советуясь с ним, что мы можем сделать еще лучше, что исправить. Самоуспокоение многих наших директоров предприятий, наших красных командиров производств. Враг не дремлет, он пытается добраться своими кровавыми руками до наших кровеносных сосудов, до нашего горла. Еще много врагов скрывается внутри страны. Оперативники и следователи выявляют их без сна и отдыха. Но нельзя все сваливать только на НКВД, нельзя все сваливать на армию. Война идет не только на фронте, она идет и в тылу. И все мы с вами находимся на передовой этой войны. Каждый на своей передовой. У каждого из вас свой участок обороны!

Берия промокнул лоб с глубокими залысинами платком и сунул его небрежно в карман. Он успел бросить взгляд на Сталина, оценить, все ли он так говорит, правильно ли формулирует. Сталин стоял лицом к окну и покуривал трубку. Значит, правильно. Если бы что-то было не так, Сталин бы повернулся и недобро сверлил бы его глазами, а потом резко стал бы клеймить, хриплым злым голосом, тыкая пожелтевшим мундштуком трубки в сторону виновного.

— Надо быть не только достойными подвига нашего народа, но и оправдать его доверие. Не товарищ Сталин, не Берия поставили вас на ваши посты. Вас поставил и доверил вам заводы наш народ! Надо быть рачительными хозяевами. Кто лучше директора завода знает свое производство, территорию предприятия? Кто лучше наркома знает все, что происходит в его отрасли, какие есть сложности и трудности? Кто лучше директора завода, кто лучше рабочих его предприятия знает, как уберечь от врага народное достояние...

Наркомы сидели, покручивая в руках карандаши и гадая, куда клонит всемогущий Берия. Что доверил ему сегодня Сталин? Запугать, вывести на чистую воду, публично покарать? Каждый косился на соседа, пытаясь разгадать его реакцию. Кто сегодня фаворит, а кто — отработанный материал?

— Народ все видит, — продолжал Берия. — Ведь он вооружен оптикой, которую производит товарищ Добровольский.

Нарком еле заметно вздрогнул и чуть не сломал в руках карандаш. Неделю назад был арестован инженер Красногорского механического завода, обвиненный в пособничестве врагу. Косился на товарищей и нарком вооружения Устинов. Еще не закончилось разбирательство с жалобой на партию пистолетов ТТ с Ижевского машиностроительного завода № 74.

— Вчера мы с товарищем Сталиным обсуждали этот вопрос, — доверительно понизил голос Берия. — И нашли правильными идеи товарища Зальцмана¹. Нужно активнее использовать рабочих для выявления врагов, пособников и диверсантов. Рабочие знают друг друга, знают семьи своих товарищей. Не только военизированная и вооруженно-вахтерская охрана должна быть защитой. Смелее надо создавать истребительные батальоны, как это сделано в Саратовской и Куйбышевской областях. Могу привести пример работы Саратовского паровозоремонтного завода. Там тоже не стали ждать, пока все сделают за них товарищи из НКВД! Надо не только уметь делать танки, надо уметь и защищать свой завод! Учитесь, товарищи. Кто хочет, тот делает, у того получается. Ну а кто не хочет...

Берия засмеялся и развел руками. В кабинете снова повисла гнетущая тишина. И в этой тишине

¹ Исаак Моисеевич Зальцман — с июля 1942 по июнь 1943 года нарком танковой промышленности.

прозвучал тихий голос Сталина, решившего поддержать шутку:

— ...тем придется подождать товарищей из НКВД. Они помогут.

Когда после платформы Лосиноостровской из вагона электрички вышли почти все пассажиры, Максим Шелестов с наслаждением вытянул ноги. Они гудели, рубашка под пиджаком неприятно прилипла к телу. Двое суток на ногах, а август в этом году выдался жаркий. Он успел увидеть, понять Москву, сравнить ее со столицей 1941 года. И сейчас Москва жила по законам прифронтного города. Строго соблюдался комендантский час, улицы патрулировались красноармейцами, на ветровых стеклах автомашин были наклеены пропуска. Да и окна домов по-прежнему были заклеены крестообразно бумажными полосами. И обязательная светомаскировка в темное время суток. Вечером над городом всплывали сотни аэростатов воздушного заграждения. В магазинах и столовых продукты все еще отпускались строго по талонам.

Максим понимал, что в городе люди живут далеко не сытно, но это было приметой военного времени, недоедала вся страна, отдавая все необходимое в первую очередь армии. Но главное, что увидел Шелестов, это спокойствие в глазах москвичей. Он почувствовал, что город не боится повторения прошлогодних событий, что врага больше

не пустят под стены Москвы. А ведь война все еще шла, тяжелая война, и конца ей не было видно. И армии было тяжело: она все так же обливалась кровью, сдерживая фашистов на пределе своих возможностей.

Группу Шелестова поселили в старом дачном поселке Валентиновка за пределами Москвы. Почему Платов выбрал именно его для размещения группы, Шелестов не знал. Очевидно, важнее была удаленность от столицы, где, проживая на конспиративной квартире, все равно можно было запросто попасться на глаза кому-то из старых знакомых — сослуживцев или соседей по прежней квартире. Ясно, что секретность группы сейчас важнее всего.

Дом был старый, еще первой постройки 1906 года, когда создавался этот поселок. И чувствовалось, что в нем постоянно кто-то жил. Это всегда чувствуется, стоит только войти в дом: живут в нем или он долго стоял без людей. И дело даже не в запахах или слое пыли на мебели... Скорее всего, это была постоянная секретная база для сотрудников Платова, прибывающих в столицу. Соблюсти секретность в поселке было просто. Население — сплошь интеллигентное, нелюбопытное. Дома с высокими дощатыми заборами и густыми зарослями черемухи. За те несколько дней, что пришлось просидеть безвылазно в доме, Шелестов просмотрел небольшую библиотечку в шкафу. Попался чей-то рукописный дневник, в котором описывались именитые жители поселка, проживавшие

здесь в разные времена. Оказывается, в Валентиновке какое-то время жил и работал театральный режиссер Станиславский, поэты Борис Пастернак и Анна Ахматова. А незадолго до войны здесь поселилась Марина Цветаева.

Это были странные ощущения — близость к искусству, прикосновение к великому и война. Красивейшие движения человеческой души и кровь, много крови и горя. И все же, живя всего несколько дней в Валентиновке, Шелестов стал ощущать какое-то успокоение, душевное равновесие. Или это просто по прошествии времени стали забываться камерные ужасы, все пережитое и несправедливое?

— Дяденька, у вас пуговица скоро оторвется!

Максим открыл глаза, чувствуя, что на минуту задремал. Непростительная слабость! Девчонка лет шестнадцати, сидевшая напротив с книгой, оказывается, с интересом разглядывала его. Перехватив взгляд попутчицы, Шелестов уставился на пуговицу на рукаве пиджака. Она и правда держалась всего на двух нитках. Улыбнувшись, Максим дернул пуговицу и сунул ее в карман пиджака.

— Спасибо! Дома жена пришьет, — с улыбкой подмигнул он девчонке. — Хорошо подсказала, а то потерял бы.

— Нет у вас жены, — задорно махнула рукой девчонка.

Шелестов мысленно ругнул себя крепким словцом. Это где же он так промахнулся, что обычная